

История первая ЖНЕЦ

ПРОЛОГ

— **В**от и закончилась полка, — вздохнул я, втискивая ветхий том на последнее свободное место на стеллаже. — Осталось перетащить сюда еще пару сотен книг из схрона, и шкафы снова станут полными.

Сидящая на потолке Мелочь досадливо щелкнула костяшками, а я растер уставшее лицо и вышел из второго кабинета, прямо на ходу пройдя сквозь границу миров.

Еще четыре дня пролетели впустую. Еще полтора десятка книг, в которых я не обнаружил ни единого указания на разгадку имен из списка. В архив главного сыскного Управления мне попасть больше не удалось: после истории с умруном Корн обозлился и аннулировал мой пропуск, так что пришлось вернуться в схрон и заняться библиотекой учителя вплотную. Но похоже, мастер Этор перемудрил, когда пытался спрятать свою тайну. А может, это я дурак, раз за столько времени не сумел ничего выяснить?

— Ужин, мастер Рэйш? — предложил Нортидж, стоило мне вернуться в обычный мир.

Я бросил взгляд за окно, где царили глухие сумерки.

— Да, пожалуй.

— Сейчас все будет, — поклонился дворецкий и, неодобрительно покосившись на выбравшуюся из кабинета куклу, испарился.

Мои слуги и сейчас сторонились Мелочи, особенно после того, как выяснилось, что она считает своим долгом меня охранять. Однако, прежде чем впустить это существо в дом, я провел соответствующий ритуал, и теперь Мелочь стала не только намертво привязанным к перстню духом-служителем, но и утратила способность противиться моим приказам.

Собственно, сейчас она зависела от меня целиком и полностью. Более того, могла жить лишь до тех пор, пока билось мое сердце. С моей смертью маленькое чудовище должно было погибнуть, так что волей-

неволей Мелочи пришлось бы заботиться о моем благополучии, даже в том случае, если я ошибся насчет ее происхождения или неправильно определил навязанные ей функции.

А сомнения на этот счет имелись. Правда, ни подтвердить их, ни опровергнуть я пока не мог, а Мелочь оказалась не в состоянии внятно ответить на мои вопросы.

Я покосился на замершую на подоконнике куклу — с тех пор, как она здесь появилась, в доме стало беспокойно. Всего за несколько дней Мелочь успела до печенок надоесть дворецкому, напугала горничных, всполошила собак и всерьез поцапалась с кухаркой.

За мной она таскалась по пятам даже в хорошо защищенном доме. Кабинет, спальня, столовая... Мелочь умудрялась пролезть абсолютно везде и всюду, каким-то образом протискиваясь сквозь защитные заклинания. Не говоря уж о том, что с того момента, как я провел ее сквозь внешний щит, кукла получила возможность ходить туда-сюда в любое время дня и ночи.

Трупы под окна она, к счастью, подбрасывать перестала. Зато неожиданно выяснилось, что у Мелочи есть любимое место: она могла часами стоять на подоконнике в моем кабинете и тарашиться в окно, время от времени забавно наклоняя голову и издавая шелкающие, а иногда воркующие звуки. Зачем она это делала, я поначалу не понимал, но однажды заметил, что кукла украдкой поправляет спутанные «волосы» на макушке. И после этого всерьез заподозрил, что она не просто изучает ландшафт за окном, а банально любит отражением.

— Хозяин, ужин готов, — торжественно возвестил материализовавшийся посреди кабинета Нортидж.

Я рассеянно кивнул. А Мелочь с довольным цоканьем развернулась, ловко перепрыгнула с подоконника на стол и выразительно на меня уставилась. Типа, ну что, пойдём?

Естественно, ей понравилась наша кухня: там находилось много предметов, которые даже на темной стороне давали нормальное отражение. Серебряные подносы, начищенные до блеска чайники, кастрюли, ножи... в отсутствие зеркал для Мелочи это была единственная возможность на себя полюбоваться. Но, поскольку Марта ее на дух не переносила и в первую же ночь устроила знатный тарарам в попытке выгнать из своих владений проворную тварь, пришлось Мелочи запретить там появляться без согласия кухарки. И она послушно не появлялась. Только огорченно вздыхала всякий раз, когда я проходил мимо заветных дверей.

— Ну, идем, — хмыкнул я и протянул Мелочи руку. После чего кукла быстрее молнии шмыгнула на плечо и негромко выдохнула:

— Хысь!

— Не «хысь», а «хозяин», — наставительно заметил Нортидж, когда я направился к выходу. — На худой конец «мастер Рэйш». Когда ты нормально разговаривать научишься?

Мелочь тут же насупилась. А когда призрак растаял в воздухе, приглушенно фыркнула, спрятала морду у меня на шее и принялась негромко бормотать:

— Хы-ы-ысь... хысь... хы-хы-ысь...

Увы. Человеческая речь ей упорно не давалась, хотя я видел, с какой настойчивостью кукла прислушивалась к разговорам, шевелила губами и упорно пыталась повторять за нами слова. Но по непонятным причинам зубастый рот издавал в основном шипящие или рычащие звуки. И они, если честно, порядком раздражали. Особенно когда Мелочь начинала повторять их, как заведенная.

— Х-хысь... хысь-хысь... — продолжала давиться труднопроизносимым словом кукла.

— Артур, — наконец сжалился я, и Мелочь удивленно замерла. — Меня зовут Артур. Можно Арт.

— Аш-ш? — недоверчиво переспросила она. — Ар-р-рш-ш?

— Арт.

— Арс-с-с, — с явным трудом прошипела кукла. Затем подумала и, высунув раздвоенный язык, очень старательно повторила: — Артс-с!

Я кивнул:

— Можно и так.

Только тогда Мелочь облегченно вздохнула и наконец-то умолкла, а я зашел в услужливо открытые дворецким двери, увидел неловко мнущуюся у стола кухарку и понял, что точно сегодня обожрись. Потому что не попробовать все то, что она так старательно приготовила, было бы настоящим преступлением.

ГЛАВА 1

— **Ж**ди здесь, — велел я, остановившись следующим утром возле храма, и подставил ладонь, куда Мелочь с готовностью прыгнула. — Боги не любят, когда тревожат их покой, а ты все еще больше похожа на нежить, чем на нормального служителя. И проверять реакцию жрецов на твое появление я не собираюсь.

Кукла понятливо шелкнула костяшками, а затем покосилась на стоящие поодаль дома.

— Можешь поохотиться, — разрешил я. — Только живых не трогай и магам на глаза не попадайся.

— Ёсь! — вытянулась во фронт Мелочь и внезапно растаяла прямо у меня на глазах.

Каким образом она это делала, я, хоть убейте, не понимал. Даже сейчас я по-прежнему ощущал прикосновение к ладони, знал, что кукла никуда оттуда не делась. Мог сколько угодно теребить поводок, который подтверждал, что Мелочь находится совсем рядом, но линзы упорно показывали, что моя рука пуста. Более того, при попытке коснуться мелкого чудовища пальцы упорно проходили его насквозь. Будто им мешало что-то. Отклоняло мою руку, как невидимый щит. И до тех пор, пока кукла была накрыта этим странным щитом, я не мог ее ни увидеть, ни прикоснуться, несмотря на все свои магические умения.

Но вот наконец Мелочь шевельнулась, и над ладонью, словно маревы в пустыне, задрожало потревоженное пространство. Под ним проступил смутно угадывающийся силуэт. В следующее мгновение я ощутил слабый толчок, и рука действительно опустела. А вскоре перстень просигналил, что кукла находится далеко от меня. В одном из домов, что окружали главную площадь Алтира со всех сторон.

— Это хорошо, что помимо троп ты еще и невидимостью пользоваться умеешь, — пробормотал я. — Раз умеешь ты, значит, смогу и я. Осталось понять, как ты это делаешь.

Все еще размышляя на тему нового питомца, я так и вошел в храм — по темной стороне. И совсем не удивился, обнаружив неподалеку от статуи Фола загадочно улыбающегося настоятеля — отец Гон, похоже, всегда знал, кто и когда надумает навестить его обитель. Или же у него были очень хорошие осведомители.

— Ты прочитал книгу? — спросил он, как только я приблизился. При чем спросил так, словно мы расстались пару свечей назад и продолжали разговор, который не закончили в прошлый раз.

— Ну, для начала здравствуйте, святой отец, — усмехнулся я, протягивая ему увесистый томик. — Книгу, естественно, прочитал, иначе бы не явился. Но, как вы и обещали, у меня появились новые вопросы.

Жрец без всякого удивления кивнул и спрятал книгу за пазуху.

— Пойдем. Я готов уделить тебе время.

Очень хорошо. Правильно я явился сюда с рассветом. В это время прихожан в храме немного, да и темные жрецы предпочитают творить обряды не по утрам, как служители Рода, а ближе к ночи, когда Фол входит в полную силу.

— Садись, — сказал отец Гон, приведя меня в ту же келью, где мы беседовали больше двух недель назад. — Должен признать, я ждал тебя немного раньше.

Я пожал плечами. Раньше не получилось — появление Мелочи заставило меня изменить планы. Но как только с ней все утряслось, я вспомнил о жреце и зашел прояснить кое-какие детали.

— Спрашивай, — понимающе улыбнулся отец Гон, когда я уселся за каменный стол. — В ближайšie пару свечей нас никто не потревожит.

— Скажите, святой отец, в чем заключалась истинная причина низвержения темных богов в Лотэйне?

— Кхм, — удивленно кашлянул жрец. — Мне казалось, в книге есть ответ на этот вопрос.

— Там говорится, что это произошло по вине одного из жрецов, — терпеливо пояснил я. — Якобы он сделал что-то, что нарушило правила сосуществования между богами, в результате чего темные боги сперва утратили прежние позиции, а затем и вовсе были изгнаны.

— Я точно не знаю, кто это был...

— Меня интересует не это, святой отец. Мы оба с вами понимаем, что уничтожить целый культ не так просто. Также мы знаем, что боги... и темные, и светлые... предпочитают действовать чужими руками. Поэтому то, что ваша книга называет «уничтожением темного пантеона», в действительности было войной, которая привела к истреблению сперва темных магов, затем темных жрецов и, наконец, обычных верующих, которых на протяжении нескольких лет резали по всему Лотэйну, как у нас когда-то некросов. Но в Алтории в те времена некро-

сов насчитывалось относительно немного. И с ними было не так сложно справиться. Тогда как темный пантеон в Лотэйне занимал лидирующие позиции много веков. В те времена темные храмы и святилища имелись в каждой деревне. Верующих было море, а каста жрецов стояла лишь на одну ступеньку ниже королей. Одним щелчком пальцев от них было не избавиться — для этого требовались усилия сотен тысяч людей, причем правильно настроенных, вооруженных и свято верящих в свою правоту. Но если тех, кто верил в темных богов, было гораздо больше, чем почитателей Рода, то как могло получиться, что против темных богов восстали не только светлые жрецы, но и вся страна? И как вышло, что эту войну жрецы Фола все-таки проиграли?

У отца Гона изменилось лицо.

— Это сложный вопрос, Рэйш, — тихо сказал он, опустив глаза. — Потому что в действительности это была не одна война, а три. И первая случилась задолго до того, как в Алтории услышали про наш пантеон.

— То есть автор книги соврал?

— Скорее, умолчал о некоторых деталях.

— Мне хотелось бы о них услышать, святой отец, — спокойно сказал я, изучая неподвижное лицо настоятеля. — Вы же не просто так дали мне эту книгу? Я ее прочел. И теперь хочу разобраться.

Отец Гон поднял взгляд и некоторое время пристально на меня смотрел, словно на моем лбу появилась еще одна метка, кроме той, что оставила леди Смерть. Но вскоре его лицо расслабилось, напряженные плечи опустились, а затем жрец задумчиво обронил:

— Ты удивил меня во второй раз, брат. Но, как я уже сказал, детали мне неизвестны. За полторы тысячи лет, прошедшие с момента первой войны между темными и светлыми жрецами, многое было утрачено. И теперь достоверно о тех временах могут поведать лишь боги.

— Мне можно покороче и попроще, святой отец, — холодно улыбнулся я. — Так сказать, основные вехи, начиная с первопричины.

— Причиной первой войны стал действительно человек, — вздохнул служитель Фола. — В книге говорится, что это был один из жрецов, но, к сожалению, древний текст, дошедший до нас в единственном экземпляре, да еще дефекты перевода... знаешь, как оно бывает? Достаточно один раз написать слово неправильно, и дальше ошибка прокрадется во все копии, породив ложные домыслы и спрятав правду под толстым слоем очень правдоподобной лжи.

Я насторожился.

— То есть это был не жрец?

— Увы, — качнул головой святой отец. — Источником всех наших бед стал самый обычный маг.

— Темный? — еще более настороженно уточнил я.

— Боюсь, что так. Хотя в то время маги были другими. Тогда их никто не разделял на некросов и магов Смерти. Собственно, их и темными-то еще не называли — это случилось гораздо позже. А если бы и назвали, то вовсе не из-за приверженности к тем или иным богам — чаще всего эти люди даже не были верующими. Но при этом они служили. И думаю, ты уже догадываешься кому.

Я внутренне подобрался.

— Вы сейчас говорите о жнецах?

— Всего одна буква, Рэйш, — невесело усмехнулся отец Гон. — Жрец... жнец... невелика вроде бы разница, зато как сразу меняется смысл, правда? А если не знать, что в те времена темными магами не рождались, а становились исключительно с благословения Фола...

Я помрачнел.

— Хотите сказать, это была его ошибка? Или у кого-то из магов после посвящения снесло башню?

— Я не знаю, по каким критериям Фол отбирал себе жнецов, — покачал головой настоятель. — Говорят, боги редко ошибаются, но порой и одной оплошности достаточно, чтобы обречь на гибель весь пантеон. Благодаря Фолу помеченные им маги стали невероятно могущественными. По силе они стояли даже выше жрецов. А когда у простого человека появляется возможность жить вечно, от соблазна трудно удержаться.

— Для того чтобы обрести бессмертие, надо навсегда остаться на темной стороне, — возразил я. — А на это не каждый согласится.

— Поверь, найдутся желающие. Тьма сильна, брат. Но человеческий разум устроен таким образом, что из всех бед и страстей он тяжелее всего справляется не с болью или страхом, а, как ни странно, с одиночеством. Сильный духом не нуждается в компании — он самодостаточен сам по себе. Однако для тех, кто хотя бы раз дал слабину, одиночество — смертельный яд. Оно отравляет сознание. Сперва медленно и почти незаметно. Затем все больше, вынуждая искать спасение от царящей вокруг мертвой тишины. Прислушиваться к голосам... а ты не хуже меня знаешь, как быстро может свести с ума шепот темной стороны. Знаешь, отчего Тьма так покровительствует безумцам. И можешь себе представить, что произойдет, если в ее недрах решит обосноваться... пусть всего один, но должоживущий и очень могущественный маг.

Я поежился.

— Хотите сказать, полторы тысячи лет назад произошло именно это? Кто-то из темных ушел во Тьму насовсем и с годами окончательно там сбрендил?

— Я могу лишь догадываться, Рэйш. Но Фол не опроверг мою догадку, когда я задал ему этот вопрос. И не пожелал ответить, по какой причине он не остановил то, что тогда произошло.

— Чего же тот маг хотел добиться? Он ведь чего-то хотел, когда уходил во Тьму, правда? — предположил я после недолгого молчания.

— Думаю, ты со мной согласишься, что темная сторона всем хороша, за исключением того, что в ней слегка... пустовато, — кашлянул святой отец. — И я предполагаю, что тот, кто решит уйти туда насовсем, рано или поздно захочет сделать это место чуточку более привычным для себя. Или, говоря другими словами, более живым.

И вот тогда я вздрогнул.

Фол! Но ведь темная сторона не терпит живых. В ней никто из простых смертных не сумеет остаться надолго. Она или вытолкнет чужака обратно, или, что более вероятно, сожрет! А оживить ее можно лишь одним способом: стереть границу между мирами. И если все было так, как я думаю, то получается, что тот маг полторы тысячи лет назад возжелал создать...

— Врата?!

— Ты уже видел, что это такое, — сумрачно кивнул жрец. — И можешь представить реакцию Ордена, когда в один из дней границы реальности были нарушены. Когда это случилось, прорыв, если верить летописям, закрывали совместными усилиями. Светлые и темные, маги и жрецы... благодаря этому катастрофы удалось избежать, но позиции темных богов существенно пошатнулись. Среди верующих пошло волнение, а Фолу и вовсе пришлось отказаться от жнецов. Это были страшные времена, Рэйш, — тихо признался отец Гон. — Темные маги, пока закрывали один-единственный прорыв, в большинстве своем погибли, ибо только они были свободно вхожи на темную сторону. И они же приняли на себя основной удар. Вторым заслоном от Тьмы были мы, жрецы, став для братьев по духу источником силы. И лишь в последнюю очередь нам помогали светлые. Разумеется, после того, как врата закрыли, волнения в Ордене продолжались еще долго. Но поскольку простых верующих это практически не коснулось и им никто не пояснял причин, по которым вдруг стали разбирать древние святилища, то темный пантеон все-таки устоял. И какое-то время в Лотэйне было тихо...

— Пока история не повторилась?

Святой отец снова вздохнул

— С тех пор в мире больше не появлялись новые жнецы — Фол сдержал свое обещание. Магический дар у выживших жрецы надежно заблокировали. А тех, кто не пожелал подчиниться, попросту уничтожили. Фол после этого надолго отстранился от верующих. Его алтари замолчали. Темные рода оскудели и в конце концов угасли. За ними тщательно следили, а ритуалы в храмах проводились лишь в присутствии наблюдателей от Ордена. Но божественный след, оставленный в человеческом теле, рано или поздно все равно проявится. Поэтому

через некоторое время у потомков тех жнецов, кто выжил во время ликвидации врат, стали рождаться одаренные дети. И они, как ты догадываешься, несли в себе то, чего у обычных магов раньше не было.

— Они сохранили способность переходить на темную сторону? — удивился я.

— Не так, как благословленные лично Фолом, но да. И Орден считал это умение полезным, ведь угроза темной стороны никуда не делась, а мы оказались не в состоянии сдерживать ее в одиночестве.

Я нахмурился.

— Значит ли это, что разделение на некросов и магов Смерти началось еще тогда?

— Скорее всего, — подтвердил отец Гон. — Только поначалу оно было ненамеренным. Просто у кого-то из так называемых темных магов лучше получалось ходить в потустороннее, а кто-то предпочел работать с другими сторонами своего дара. К тому же с годами выяснилось, что вы обладаете талантами, которые были недоступны даже жнецам...

«Скорее, не нужны», — подумал я. Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

— Именно их стало принято называть темным даром, — тем временем продолжил настоятель. — Все ваши знаки, заклинания, которые оказались действенными как для реального мира, так и для темной стороны... Орден посчитал, что угрозы в себе они не несут, поэтому вскоре в Лотэйне появились школы для темных магов. Вас продолжили обучать, но уже по другой методике. О жнецах больше никто не вспоминал. Ваш дар находился под контролем. Утерянное равновесие таким образом восстановилось, и оба божественных пантеона вновь стали существовать на равных.

Я недоверчиво прищурился:

— Значит, изначально все темные маги были жнецами?

Настоятель кивнул:

— Да, брат.

— Но если их не стало, а Орден нашел менее опасную замену и в конце концов все стало хорошо, то почему случилась вторая война?

— Около трехсот с небольшим лет назад появились сведения, что темные жрецы начали возрождать запрещенные ритуалы. Это не было санкционировано Орденем, — быстро добавил отец Гон, когда я одарил его подозрительным взглядом. — Обряды проводились отдельными энтузиастами. Втайне. Над темными магами, число которых к тому времени существенно возросло. Но поскольку многое за эти годы было утрачено, да и сама ваша магия изменилась, то старые ритуалы утратили смысл. И стали приводить не к укреплению связи человека с богом, а к бездумному и подчас опасному усилению темного дара.